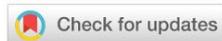

© 2023. Головченко Н. Н.

Наконечники копий из собрания Историко-краеведческого музея АлтГПУ

оригинальная статья

Наконечники копий из собрания Историко-краеведческого музея АлтГПУ в контексте изучения погребальной обрядности населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа

Головченко Николай Николаевич

Алтайский государственный педагогический университет, Россия, Барнаул

<https://orcid.org/0000-0002-1498-0367>

Scopus Author ID: 57218919187

nikolai.golowchenko@yandex.ru

Поступила в редакцию 26.07.2023. Принята после рецензирования 28.08.2023. Принята в печать 28.08.2023.

Аннотация: В фондах Историко-краеведческого музея Алтайского государственного педагогического университета содержится представительная коллекция предметов вооружения эпохи раннего железа. Большая ее часть получена в результате исследований известного сибирского археолога Алексея Павловича Уманского. Особый интерес представляют два железных наконечника копья, происходящие из памятников Новотроицкое-2 и Масляха-1, изучение семантики захоронения которых и является целью настоящей работы. Несмотря на то что данные изделия подробно охарактеризованы в рамках диссертационных исследований, посвященных военному делу древних племен Верхней Оби, они фактически остаются не осмысленными в плане изучения погребальной обрядности населения данного региона второй половины I тыс. до н.э. Данная работа представляет собой попытку анализа роли наконечников копий в погребальном обряде населения Верхнего Приобья второй половины I тыс. до н.э. В научный оборот вводятся ранее неопубликованные материалы, хранящиеся в фондах музея АлтГПУ, дается подборка материалов, состоящих из наконечников копий по Верхнеобскому региону, которые рассматриваются в этом новом аспекте. Контекстуальный анализ находок с учетом привлечения дополнительных материалов из могильников Быстровка-1, Быстровка-2, Каменный Мыс и других позволяет наметить основы интерпретации роли предметов вооружения в отправлении обрядов перехода. Всего могут быть проанализированы шесть железных наконечников копий. Помещение в погребения раритетных и символически сломанных предметов вооружения может рассматриваться как явление событийной сакрализации – широко распространенной адаптационной стратегии интеграции предметного комплекса и идей в погребальную практику поликультурного сообщества. **Ключевые слова:** погребальная обрядность, наконечники копий, предметы вооружения, эпоха раннего железа, Верхнее Приобье

Цитирование: Головченко Н. Н. Наконечники копий из собрания Историко-краеведческого музея АлтГПУ в контексте изучения погребальной обрядности населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 6. С. 715–725. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-6-715-725>

full article

Spearheads from the Museum of Altai State Pedagogical University: Funeral Rites of the Upper Ob Peoples in the Early Iron Age

Nikolay N. Golovchenko

Altai State Pedagogical University, Russia, Barnaul

<https://orcid.org/0000-0002-1498-0367>

Scopus Author ID: 57218919187

nikolai.golowchenko@yandex.ru

Received 26 Jul 2023. Accepted after peer review 28 Aug 2023. Accepted for publication 28 Aug 2023.

Abstract: The Museum of History and Local Lore (Altai State Pedagogical University) contains a vast collection of weapon items from the Early Iron Age. Most of the artifacts were obtained by the famous Siberian archeologist Alexei P. Uman'sky. This article introduces the burial semantics of two iron spearheads from archeological sites Novotroitskoye 2

and Maslyakha 1. These artifacts have already been described in several theses on the ancient military art of the Upper Ob Valley. However, they remain understudied in terms of local funeral rituals in the second half of the 1st millennium BC. The author used some rare archival materials from the museum of the Altai State Pedagogical University to give a new perspective to the spearheads from the Upper Ob. The contextual analysis involved related finds from the burial sites of Bystrovka 1, Bystrovka 2, and Kamenny Mys. It made it possible to interpret the role of weapon in the rite of passage. Unusual and symbolically broken items could represent event sacralization, which was a widespread adaptation strategy for integrating objects and ideas into the funeral practice of a multicultural community.

Keywords: funeral rites, spearheads, weapon, the Early Iron Age, Upper Ob River region

Citation: Golovchenko N. N. Spearheads from the Museum of Altai State Pedagogical University: Funeral Rites of the Upper Ob Peoples in the Early Iron Age. *SibScript*, 2023, 25(6): 715–725. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-6-715-725>

Введение

Образованный в 1992 г. Историко-краеведческий музей Алтайского государственного педагогического университета (АлтГПУ, ранее – АлтГПА, БГПУ, БГПИ) хранит в своих фондах одно из крупнейших археологических собраний Алтайского края. Значительная доля данных материалов получена в ходе проведения ежегодных студенческих полевых археологических практик. Самые крупные археологические коллекции представлены материалами исследований доктора исторических наук, профессора Алексея Павловича Уманского [Труды... 2023].

Масштабные исследования, давшие обильный вещественный материал, осуществлены А. П. Уманским на могильниках эпохи раннего железа Верхнеобского региона. Это некрополи Раздумье-4, Раздумье-6, Камень-1, Камень-2, Соколово, Масляха-1, Масляха-2, Рогозиха-1, Новотроицкое-1, Новотроицкое-2, Новотроицкое-3 и др. Материалы данных памятников были монографически или постатейно введены в научный оборот [Уманский и др. 2005; Шульга и др. 2009].

Среди вещевого комплекса, полученного при исследованиях А. П. Уманского, имеется некоторое количество предметов вооружения, в том числе и железные наконечники копий из могильников Новотроицкое-2 (курган 2, погребение 8) и Масляха-1 (курган 3, погребение 4). Последние не раз анализировались в научной литературе в плане изучения военного дела племен Верхней Оби (Лесостепного Алтая) [Уманский, Шульга 2005; Шульга и др. 2009]. Например, в Барнауле в данном направлении подготовлены работы Г. Е. Иванова [Иванов 1987] и О. С. Лихачевой [Лихачева 2019; 2020с; 2021].

Изучению погребальной обрядности населения Верхнеобского региона посвящены две кандидатские диссертации: Д. А. Михайлова – о погребальных памятниках Новосибирского Приобья V в. до н. э. – IX в. н. э.; Я. В. Фролова – о погребальном обряде населения Барнаульского Приобья в VI в. до н. э. – II в. н. э., лишь последняя опубликована монографически [Фролов 2008]. Авторами этих исследований вопрос о характере

помещения вооружения в погребальные комплексы остался не решенным в силу его частности по сравнению с общей глубиной решаемых ими задач.

Особое внимание роли вооружения в погребальной обрядности населения Верхнего Приобья в эпоху раннего железа было уделено в небольшой заметке О. С. Лихачевой [Лихачева 2020b]. Она осуществила анализ собранных ею статистических данных, согласно которым был сделан вывод, что вооружение не играло значительной роли в погребальном обряде каменной культуры и помещалось в захоронения в исключительных случаях, вероятно, наиболее выдающимся представителям воинского сословия. Отдельно был рассмотрен вопрос о трактовке расположения наконечников копий в захоронениях: автор отметила, что они, судя по размеру могил, были положены без древков. Видимо, для этого вида оружия делалась исключение и не давалась символическая привязка к способу его ношения или использования [Лихачева 2020b].

Можно согласиться с мнением об отсутствии привязки положения наконечника копья в погребении с практикой их прижизненного использования. Но определенный символизм помещения наконечников копий в захоронения отдельных индивидов отрицать нельзя. Стоит отметить, что к своим выводам О. С. Лихачева пришла, проанализировав находки только в подкурганых захоронениях Барнаульского Приобья и только т. н. каменной культуры (т. е. двух наконечников копий из рассматриваемых нами могильников – Новотроицкое-2 и Масляха-1). Между тем рассмотрение данного источникового комплекса с позиции гипотезы поликультурности и всего Верхнеобского региона позволит получить более перспективные в плане изучения погребальной обрядности выводы.

Актуальность повторного обращения к вышеобозначенным материалам обусловлена отсутствием комплексного изучения наконечников копий данного региона в контексте погребальной обрядности.

Цель – рассмотреть хранящиеся в собрании Историко-краеведческого музея АлтГПУ наконечники копий в контексте изучения погребальной обрядности населения Верхнего Приобья второй половины I тыс. до н. э. Задачи: рассмотрение наконечников копий, хранящихся в Историко-краеведческом музее АлтГПУ, публикация их фото и сопоставление вариантов реконструкций, семантический анализ положения наконечников копий в погребальных комплексах исходя из микротопографии контекста их обнаружения, верификация случаев обнаружения наконечников копий в погребальных комплексах эпохи раннего железа Верхнеобского бассейна.

Методы и материалы

Как уже декларировалось выше, опорными материалами для исследования послужили железные наконечники копий из курганных могильников Новотроицкое-2 (курган 2, погребение 8) и Масляха-1 (курган 3, погребение 4). Наконечник из Новотроицкого сохранился фрагментарно и имеет следующие размеры: **перо**: длина – 2,2 см, ширина – 1,8 см, толщина – 0,4 см; **втулка**: длина – 15,4 см, диаметр – 2,8 см, глубина – 4,8 см. Наконечник с Масляхи также фрагментарен и сильно корродирован, его размеры: **перо**: длина – 4,2 см, ширина – 3,7 см, толщина – 0,9 см; **втулка**: длина – 17,4 см, диаметр – 4,2 см, глубина – 8,2 см.

В основе изучения обозначенных наконечников лежит анализ их общего морфологического состояния и микротопографии контекстов их размещения в погребальных комплексах. Сведения, полученные при рассмотрении находок из собрания Историко-краеведческого музея АлтГПУ, соотносятся с аналогичными случаями обнаружения изделий того же типа в захоронениях Верхнеобского региона эпохи раннего железа. Такой подход позволяет высказать новые суждения о семантике и функциональной нагрузке использования наконечников копий в погребальной обрядности населения Верхнеобского бассейна.

Результаты

Кратко напомним контекст обнаружения наконечников. Это необходимо для дальнейшего анализа. Кроме того, если материалы Новотроицкого некрополя качественно монографически опубликованы, то часть данных по Масляхе-1 вводится нами в научный оборот впервые.

Могильник Новотроицкое-2 расположен на высокой надпойменной террасе р. Чумыш, правого притока р. Обь, в Тальменском районе Алтайского края, граничащем с Новосибирской областью. Земляной курган 2 имел диаметр 14,8 x 12,2 м и высоту 1,5 м. Экспедицией под руководством В. А. Могильникова, отрядом, возглавляемым А. П. Уманским, в 1984 г.

под его насыпью было вскрыто 9 погребений. Вокруг центрального погребения 9 располагалось одно кольцо периферийных (рис. 1, 1). Ровик у кургана авторами раскопок зафиксирован не был.

Погребение 8 перекрытий не имело (рис. 1, 2). На его дне был расчищен скелет мужчины 30–35 лет [Рыкун 2013], погребенный лежал на спине, вытянуто, головой на север-северо-запад. Справа от черепа лежали тазовые и трубчатые кости овцы. Среди этих костей обнаружен сломанный, сильно корродированный железный нож. У правого бедра выявлен железный поясной крюк (рис. 1, 3). У правой стопы стоял плоскостопный горшок без орнамента (рис. 1, 4). В юго-западном углу могильной ямы лежал фрагмент стенки крупного сосуда без орнамента. На левом коленном суставе находился железный, сильно корродированный наконечник копья (рис. 1, 5), острием в сторону черепа [Шульга и др. 2009: 73, рис. 51].

Могильник Масляха-1 расположен на высокой левобережной надпойменной террасе р. Обь в Крутихинском районе Алтайского края, также на границе с Новосибирской областью. Земляной курган 3 имел диаметр 16 x 16,5 м и высоту 1,5 м. Экспедицией под руководством В. А. Могильникова, отрядом, возглавляемым А. П. Уманским, в 1979 г. под его насыпью было вскрыто 14 погребений. Вокруг центрального погребения 9 располагались два кольца периферийных. Внутреннее кольцо – погребения 4, 7, 8, 10–12; внешнее – 3, 5, 6, 13 и 14. Впускные погребения 1 и 2, предположительно, намечали третье кольцо. Ровик у кургана авторами раскопок зафиксирован не был (рис. 2, 1).

Стенки погребения 4 были обложены колотыми пополам бревнами в четыре венца (рис. 2, 2). На их уступы у концов и в середине были положены три поперечины, на которых базировалось продольное перекрытие в один ряд из березовых и сосновых бревен толщиной до 0,15 см. Погребенный индивид – мужчина 30–35 лет [Рыкун 2013] – был уложен на спину, вытянуто, головой на запад. За черепом лежали два обломка таза овцы и обломок правой половины нижней челюсти козули и близ них – железный нож с невыделенной рукоятью (рис. 2, 4). Вдоль левого бедра, ниже левой кисти был обнаружен сильно поврежденный коррозией железный наконечник копья (рис. 2, 3) [Могильников, Уманский 1992: 77, 203].

Выявленные на обозначенных памятниках железные наконечники копий по классификации, предложенной О. С. Лихачевой, относятся к разряду втульчатых, разделу коротковтульчатых, отделу ромбических к двум разным типам: вытянутолистовидные (наконечник из Новотроицкого-2) и килевидные (наконечник из Масляхи-1) (рис. 3) [Лихачева 2020а: 62].

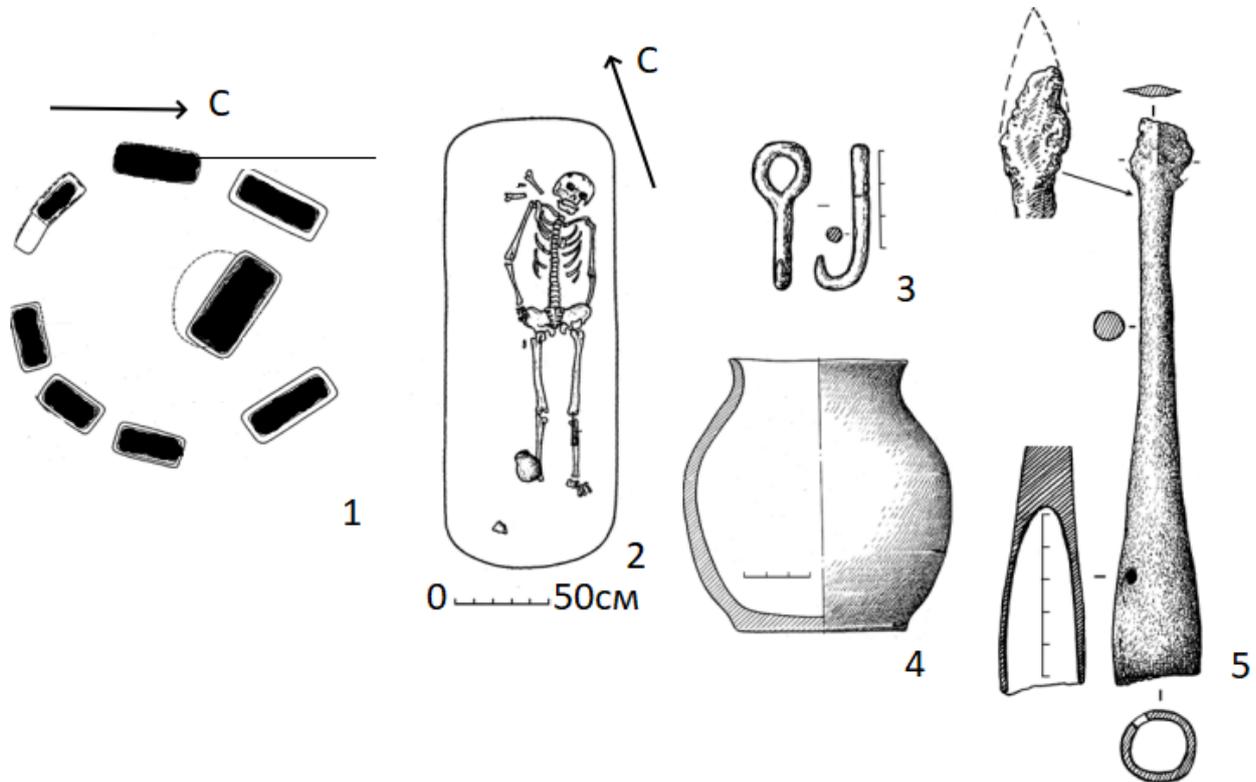

Рис. 1. Контекст обнаружения железного наконечника копья на памятнике Новотроицкое-2: 1 – планиграфия кургана 2; 2 – план погребения 8; 3 – поясной крюк; 4 – керамический сосуд; 5 – прорисовка наконечника копья [по: Шульга и др. 2009: рис. 51].
Fig. 1. Iron spearhead from Novotroitskoe 2 in situ: 1 – horizontal stratigraphy, mound 2; 2 – burial plan, grave 8; 3 – belt hook; 4 – ceramic vessel; 5 – spearhead [Shulga et al. 2009: fig. 51]

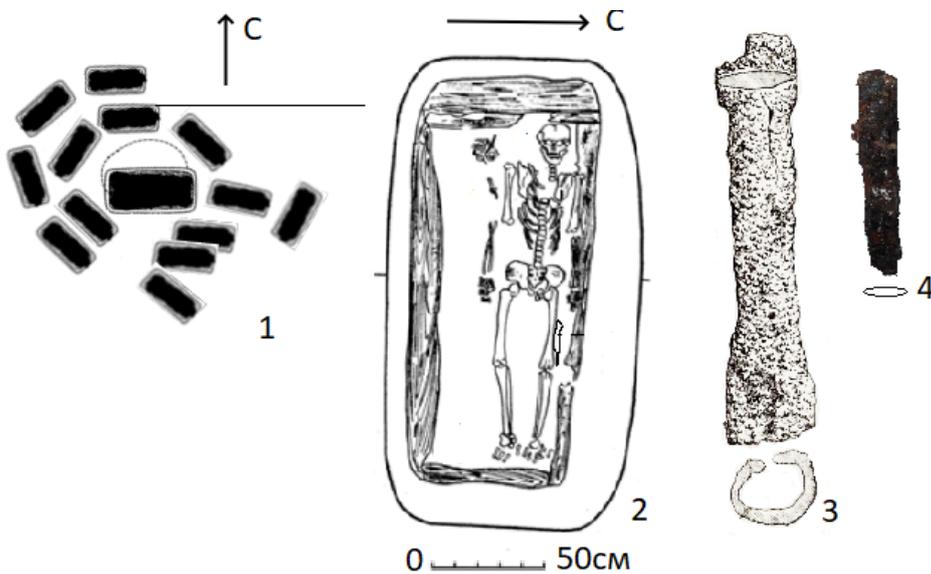

Рис. 2. Контекст обнаружения железного наконечника копья на памятнике Масляха-1: 1 – планиграфия кургана 3; 2 – план погребения 4; 3 – прорисовка наконечника копья [по: Могильников, Уманский 1992: рис. 5]; 4 – фрагмент железного ножа (фото Н. Н. Головченко).
Fig. 2. Iron spearhead from Maslyakha 1: 1 – horizontal stratigraphy, mound 3; 2 – burial plan, grave 4; 3 – spearhead [Mogilnikov, Umansky 1992: fig. 5]; 4 – iron knife fragment (photo by N. N. Golovchenko)

У новотроицкого экземпляра сохранилась только втулка с небольшими фрагментами пера (рис. 3, 1). Судя по характеру перехода от втулки к перу, О. С. Лихачева предположила, что наконечник из могильника Новотроицкое-2 имел перо вытянутолистовидного абриса [Лихачева 2020а: 64], что несколько отличается от реконструкции, предложенной авторами монографии, посвященной публикации материалов данного памятника [Шульга и др. 2009: рис. 51]. Исследовательницей отмечено, что трапецевидная втулка с шейкой встречается у скифских наконечников копий VI–V вв. до н.э. из Северного Причерноморья. Такие втулки в сочетании с вытянутолистовидным пером бытуют у скифов Среднего Дона в конце V–III вв. до н.э. Совокупность этих признаков позволила О. С. Лихачевой датировать данный наконечник VI–III вв. до н.э., в то время как некрополь Новотроицкое-2 датируется IV–III вв. до н.э.

Перо наконечника, происходящего из могильника Масляха-1, сохранилось фрагментарно (рис. 3, 2), вследствие чего В. А. Могильников отмечал, что его форма точно не устанавливается [Могильников 1997: 52]. Однако, судя по прямым плечикам и параллельно расположенным лезвиям, О. С. Лихачева предположила, что оно было килевидной формы [Лихачева 2020а: 64]. Впрочем, находка близкой ей по параметрам втулки из кургана 14, погребения 2 Быстровки-1 позволяет несколько усомниться в подобной интерпретации [Бородовский 2002: рис. 97].

Такой признак, как цилиндрическая втулка с небольшим расширением в нижней четверти, по мнению О. С. Лихачевой, встречается в материалах Северного Кавказа в VIII–VII вв. до н.э. и сохраняется там до рубежа эр. В сочетании с узким пером килевидной формы она известна в меотских материалах IV–I вв. до н.э. Предложенная исследовательницей датировка в целом согласуется с трактовками иных ученых, рассматривающих данный наконечник в рамках IV–I вв. до н.э., в то время как сам могильник Масляха-1 датирован В. А. Могильниковым и А. П. Уманским III–II вв. до н.э. [Могильников, Уманский 1992]. Однако материалы данного памятника еще целиком не введены в научный оборот, и тематика его точного хронологического позиционирования еще требует особого исследования.

При этом необходимо отметить, что наиболее близкими аналогиями данным наконечникам копий В. А. Могильников, в отличие от более поздних комментаторов, справедливо считал изделия, обнаруженные на могильниках Каменный Мыс (кулайская культура) и Богдановка-1 (саргатская культура) [Могильников 1997: 52–53].

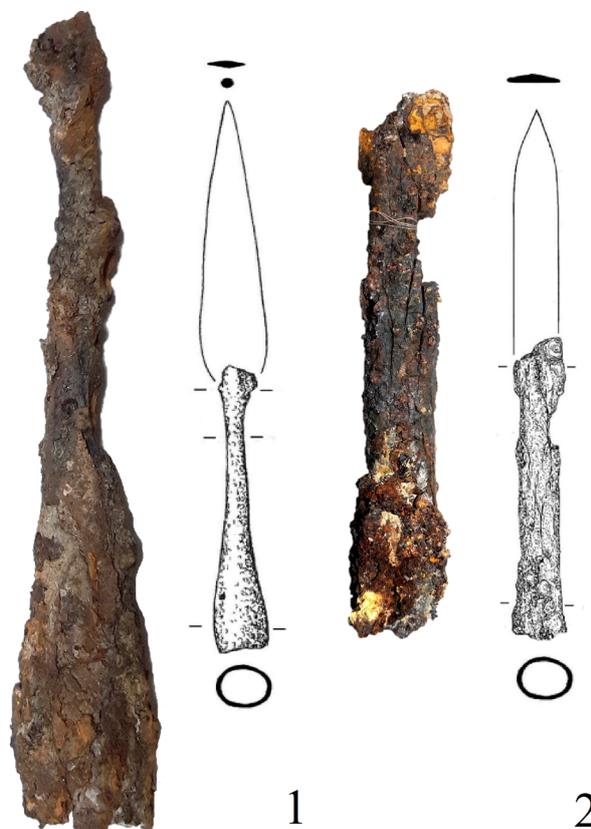

Рис. 3. Железные наконечники копий: 1 – курганный могильник Новотроицкое-2 (курган 2, погребение 8); 2 – курганный могильник Масляха-1 (курган 3, погребение 4) (рисунки-реконструкция [по: Лихачева 2020а: рис. 20], фото Н. Н. Головченко)
Fig. 3. Iron spearheads: 1 – burial mound Novotroitskoe 2 (mound 2, burial 8); 2 – burial mound Maslyakha 1 (mound 3, burial 4) (image-reconstruction [Likhacheva 2020a: fig. 20], photo by N. N. Golovchenko)

Обсуждение

В контексте предпринимаемого нами исследования могут быть рассмотрены 6 эпизодов обнаружения железных наконечников копий в памятниках, расположенных на территории Верхнеобского бассейна (рис. 4). Это фрагментированные и сильно коррозированные находки из курганных могильников Новотроицкое-2, Быстровка-1, Масляха-1, Каменный Мыс. Контексты обнаружения наконечников копий на могильниках Новотроицкое-2 и Масляха-1 подробно нами рассмотрены выше (рис. 1; рис. 2; рис. 5, 1, 2). Сравним их с данными, полученными на остальных попавших в нашу выборку памятниках.

В погребении 2 кургана 14 Быстровки-1 втулка копья обнаружена в детском погребении (рис. 5, 3), слева от костей черепа [Бородовский 2002: 134].

Каменный Мыс – могильник, относящийся к кулайской культуре, но в его материалах фиксируется определенная многокомпонентность, позволяющая рассматривать находки, полученные на нем в рамках нашей выборки [Селин 2021; Троицкая 1979]. Относительно наконечников копий, выявленных на Каменном Мысу, Т. Н. Троицкой отмечено, что они лежали справа от скелета на уровне стопы (острием к ногам) или у плеча (острием к голове). Один наконечник с незамкнутой втулкой имел длину 28,5 см; другой, с широким пером подтреугольной формы, от дротика – не более 16 см; от третьего сохранилась лишь втулка (рис. 5, 4–6). Т. Н. Троицкая, опираясь на эти сведения, предположила, что длина их древка равнялась расстоянию от стопы до плеча погребенного с ним индивида [Троицкая 1979: 12].

Практика обращения с железными наконечниками копий в рамках погребальной обрядности памятников Новотроицкое-2, Быстровка-1 и Масляха-1 крайне близка друг другу кроме явно выделяющегося по всем параметрам детского погребения из Быстровки-1. Могильник Каменный Мыс своими материалами демонстрирует определенную сопричастность данной традиции в формате большещеченско-кулайских связей.

Все выявленные в подкурганых захоронениях наконечники копий происходят из периферийных погребений, разных по своему оформлению – с деревянными конструкциями и без таковых. Уместно напомнить, что А. Н. Телегиным к числу не дифференцирующих

в гендерном отношении признаков погребальной обрядности населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа отнесены: способ захоронения (ингумация); оформление могил (прямоугольные, овальные, трапециевидные ямы, наличие / отсутствие уступов); размеры и типы погребальных конструкций (деревянные рамы, столбовые конструкции, перекрытия или их отсутствие); характер захоронения; расположение костяка в могиле; встречаемость, количество и местоположение сосудов, орудий труда, костей животных и элементов культовых действий (угли, прокалы, охра, обожженные камни) [Телегин 1999].

В подавляющем большинстве случаев наконечники копий обнаружены в погребениях взрослых мужчин (Новотроицкое-2, Масляха-1, Каменный Мыс). Крайне любопытным представляется единственный факт обнаружения наконечника копья в детском погребении Быстровки-1. Не менее интригующе и обнаружение раритетного бронзового наконечника копья в подкурганном захоронении на Быстровке-2. К тому же это не единственный хронологический парадокс, засвидетельствованный на данном некрополе [Бородовский 2004].

Комплектный состав сохранившегося сопроводительного инвентаря погребений с наконечниками копий – не богатый. В основном в них встречаются остатки жертвенной пищи, ножи, керамические сосуды, резе – поясная фурнитура и дополнительное вооружение.

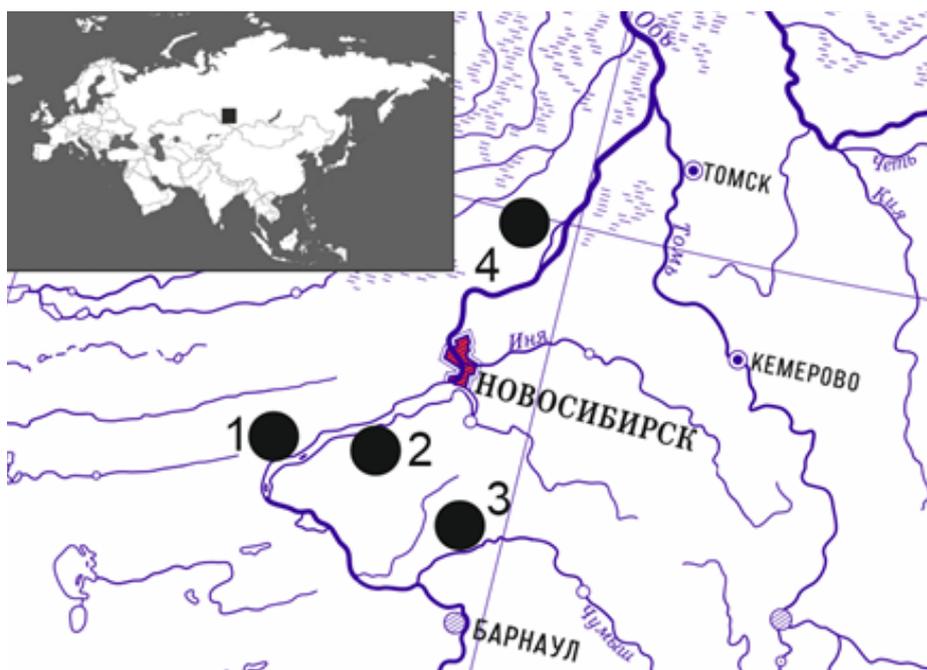

Рис. 4. Карта местонахождений наконечников копий на территории Верхнего Приобья:

1 – Масляха-1 (курган 3, погребение 4); 2 – Быстровка-1 (курган 14, могила 2); 3 – Новотроицкое-2 (курган 2, погребение 8); 4 – Каменный Мыс (курган 3, погребения 5 и 19; курган 10, погребение 6)
Fig. 4. Spearhead finds in the Upper Ob River Valley: 1 – Maslyakha 1 (mound 3, burial 4); 2 – Bystrovka 1 (mound 14, burial 2); 3 – Novotroitskoe 2 (mound 2, burial 8); 4 – Kamenny Mys (mound 3, burials 5 and 19; mound 10, burial 6)

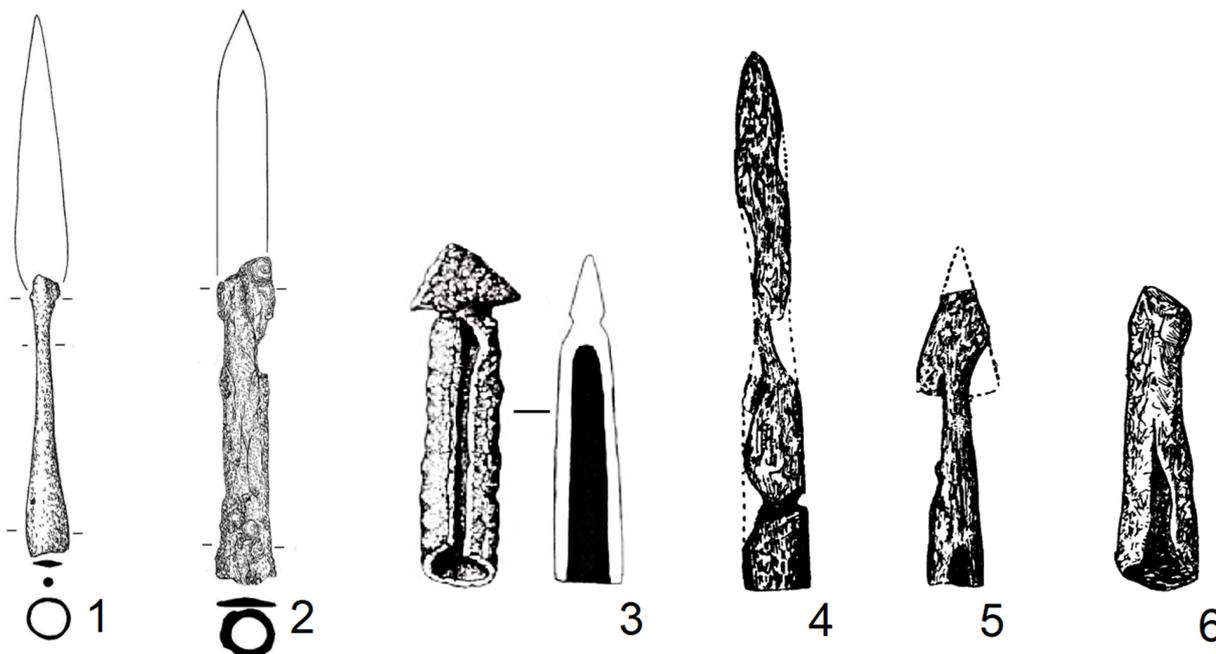

Рис. 5. Железные наконечники копий эпохи раннего железа с памятников бассейна Верхней Оби: 1 – Новотроицкое-2 (курган 2, погребение 8); 2 – Масляха-1 (курган 3, погребение 4); 3 – Быстровка-1 (курган 14, погребение 2); Каменный Мыс: 4 – курган 10, погребение 6; 5 – курган 3, погребение 5; 6 – курган 3, погребение 19 (1–2 – прорисовка наконечников с территории Лесостепного Алтая [по: Лихачева 2020а: рис. 20], 3 – изображение втулки копья из Быстровки-1 [по: Бородовский 2002: рис. 97], 4–6 – изображение наконечников с Каменного Мыса [по: Троицкая 1979: табл. VIII])

Fig. 5. Iron spearheads of the Early Iron Age from the Upper Ob Valley: 1 – Novotroitskoe 2 (mound 2, burial 8); 2 – Maslyakha 1 (mound 3, burial 4); 3 – Bystrovka 1 (mound 14, burial 2); Kamenny Mys: 4 – mound 10, burial 6; 5 – mound 3, burial 5; 6 – mound 3, burial 19 (1–2 – arrowheads from the Forest-Steppe Altai [Likhacheva 2020a: fig. 20], 3 – spear sleeve from Bystrovka 1 [Borodovskiy 2002: fig. 97], 4–6 – arrowheads from Kamenny Mys [Troitskaya 1979: tab. VIII])

Фиксируются следующие практики местоположения наконечника копья в погребении относительно скелета: по левую сторону, у костей нижних конечностей – Новотроицкое-2, Масляха-1, у костей черепа – Быстровка-1; по правую сторону, у костей верхних и нижних конечностей – Каменный Мыс.

Интерпретация

Значимая роль копий в погребальном обряде античных кочевников обозначена особым сообщением Геродота, согласно которому скифы, осуществляя акт захоронения знатного человека, его «тело на соломенных подстилках опускают в могилу, по обеим сторонам втыкают в землю копья, а сверху настилают доски и покрывают камышовыми циновками» [Геродот 1972: 71].

Говорить об особой знатности индивидов, погребенных с копьями в эпоху раннего железа на территории Верхнего Приобья, пока не приходится. Выявлены они в небольших курганах, периферийных погребениях с малопредставительным сохранившимся сопроводительным инвентарем.

Кроме того, необходимо учесть, что из почти двух тысяч исследованных в Верхнем Приобье погребений второй половины I тыс. до н.э. копья обнаружены лишь в 6. Данное обстоятельство может свидетельствовать, с одной стороны, о достаточно узкой практике их использования в погребальной обрядности, а с другой – об их важности и ценности в повседневной жизни. При этом в целом по региону копья, видимо, были достаточно распространены, особенно если принять во внимание неучтенные случайные находки, оседающие в частных коллекциях.

Наличие копий – косвенный признак наличия щитов и панцирной защиты. Однако если о доспехе в трудах археологов отдельные выкладки присутствуют [Лихачева 2020а: 103–114], то о щитах никаких данных нет, а ведь они, как и пазырыкские экземпляры, могли быть деревянными (так же как деревянными могли быть сами доспехи и шлемы [Соловьев и др. 2006]).

Изделия из древесины, как и прочая органика, в памятниках Верхнеобского региона сохраняются плохо, вероятно, какие-то имитации копий могли

делаться из данного сырья и к моменту современных исследований не сохраниться. Ведь известны цельно-деревянные наконечники стрел скифского времени [Молодин 2000: 109].

Именно вследствие плохой сохранности древесины невозможно достоверно установить, помещались ли копья в погребения с древками или без таковых. В отдельных металлических втулках выявлены фрагменты древка. Однако характер расположения наконечника копья в погребении не всегда позволяет предполагать его положение в боевом состоянии. Так, О. С. Лихачевой особо отмечен факт помещения в погребение копья со сломанным древком на Новотроицком-2 [Лихачева 2020а: 66; Шульга и др. 2009: 73]. Вероятно, сломанными в погребения помещались и некоторые другие железные наконечники копий, но точно это установить вряд ли возможно из-за сильной коррозии предметов. При этом они именно укладывались на могильное ложе, а не втыкались в него.

Обратимся к конкретным примерам. Во втулке наконечника копья из Новотроицкого еле заметны остатки древка, однако его положение – не у стопы, а у колена погребенного, учитывая общие размеры погребения, фактически исключает возможность его помещения в могилу в боевом, готовом к использованию состоянии. То же заключение правомерно и для наконечника с Масляхи, который был обнаружен у бедра погребенного. На Ближних Елбанах-7 бронзовый наконечник копья с остатками древка во втулке находился между грудной клеткой и левой плечевой костью погребенного скорченно индивида [Грязнов 1956: 58], данную микрофотографию находки невозможно себе представить при захоронении копья с цельным древком. Стоит ли говорить, что копьё в функциональной сборке тем более не могло поместиться в захоронение ребенка на Быстровке. К тому же косвенным свидетельством преднамеренной деструкции (порчи) копий, помещаемых в погребения, абсолютно во всех зарегистрированных случаях является отсутствие находок втоков, в то время как их находки для другого вида древкового оружия – чеканов – надежно документируются.

Семантическая сторона помещения в погребальные комплексы преднамеренно сломанных (выведенных из функционального состояния) вещей в широкой перспективе на материалах этнографии приведена в работе А. Ш. Бодровой [Бодрова 2009], а на материалах археологии ранних кочевников – например, в статье [Бейсенов, Джумабекова 2017].

Деструкция вещей, помещаемых в погребальные комплексы населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа, рассмотрена нами на примере элементов предметного комплекса одежды [Головченко 2021; 2022].

Показателен в данном отношении и пример, приведенный А. П. Бородовским по материалам погребения 7 кургана 6 могильника Быстровка-2, в котором был обнаружен наконечник стрелы кулайского типа, адаптированный под «местные реалии» спиливанием длинных шипов [Borodovskiy 2015: 91]. В погребении 4 кургана 13 Новотроицкого-1 у черепа женщины была выявлена импортная согнутая гофрированная биметаллическая заколка без характерной бусины-навершия (вероятно, изъятая в меморативных целях), также согнутой и фрагментарно представленной оказалась заколка из могилы 3 кургана 15а того же могильника, а у изделия из кургана 18 могилы 2 навершие было расплющено [Шульга и др. 2009: рис. 17, рис. 46]. Под черепом женщины из погребения 5 кургана 17а Новотроицкого-1 выявлена золотая подвеска серьги, украшенная зернью, в верхней части которой сохранились следы от оторванной припаянной петельки [Шульга и др. 2009: 51].

К сломанным вещам могут быть отнесены и найденные в районе предплечий некоторых погребенных металлические «пластинчатые» «необычные предметы», аналогичные выявленным в погребении 15 кургана 3 и погребении 1 кургана 5 Новотроицкого-2 [Шульга и др. 2009: рис. 54, рис. 55], которые иногда, как в случае с находкой из могилы 2 кургана 6, были украшены елочным орнаментом [Шульга и др. 2009: рис. 60] или имели вид «раскованного изделия с выступами на углах», как предмет из могилы 2 кургана 8 того же могильника [Шульга и др. 2009: 87]. Символической поломке подвергались также гривны, мечи, зеркала и бронзовые котлы, что находит ряд аналогий на памятниках сопредельных территорий [Бейсенов, Джумабекова 2017].

Заключение

Два железных наконечника копий, происходящие из могильников Новотроицкое-2 и Масляха-1 и хранящиеся в Историко-краеведческом музее АлтГПУ, представляют собой фрагментированные изделия, помещенные в культовых целях в погребальные комплексы.

Анализ морфологического состояния, а также микрофотографии обнаружения наконечников копий в погребальных памятниках Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа позволяет предполагать, что к моменту проведения погребальной церемонии данные изделия представляли собой раритеты с дефектами, не позволяющими эффективно использовать их по прямому назначению (как минимум они были лишены цельного древка). Может быть, наконечники копий или их древки ломали преднамеренно. Данные манипуляции отражают процесс наделения сакральными смыслами изделий, невостребованных в бытовых

условиях, отражая специфическую форму обращения с вещью в контексте обряда перехода, которая может быть определена как символическая или функциональная деструкция [Головченко 2022].

Редкость обнаружения копий в погребальных памятниках региона пока не позволяет расценивать их как непреходящий атрибут обрядности профессиональной группы мужчин-воинов. Но в то же время очевидно, что случаи использования в погребальной обрядности наконечников копий прочно связаны с мужчинами в расцвете сил (и детьми, потенциально способными стать таковыми, но в силу каких-то причин до этого не дожившими). Вероятно, необходимость помещения наконечника копья в погребение определялась и какими-то специфическими ситуационными факторами – обстоятельствами смерти индивида, отношением коллектива к нему, наличием или отсутствием подходящего для обряда наконечника копья и т. п.

Наконечник копья в рамках погребального обряда мог наделяться и иными значениями – выступать в роли

своеобразной жертвы или амулета-охранителя. Событийная сакрализация – широко распространенная адаптационная стратегия интеграции предметного комплекса и идей (поверий и примет) в погребальную практику поликультурного сообщества [Бородовский 2016; 2017; Головченко 2020; Савинов 2002: 155; Borodovskiy 2015]. Расширение источниковой базы по предмету исследования, тщательная фиксация новых обнаружений наконечников копий в погребальных комплексах и случайных находок позволят осуществить более аргументированную и точную интерпретацию роли предметов вооружения в погребальной обрядности населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Бейсенов А. З., Джумабекова Г. С. О древнем ритуале порчи предметов, используемых в обряде погребения кочевников. *Поволжская Археология*. 2017. № 2. С. 28–46. [Beisenov A. Z., Dzhumabekova G. S. Ancient item spoilage ritual used in nomadic burial rite. *Povolzhskaya Arkheologiya*, 2017, (2): 28–46. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24852/ra2017.2.20.28.46>
- Бодрова А. Ш. Семантика погребальной одежды народов Сибири в контексте мифологических представлений. *Сибирский сборник – 1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий*, отв. ред. Л. Р. Павлинская. СПб.: МАЭ РАН, 2009. Кн. 1. С. 33–38. [Bodrova A. S. Semantics of burial clothes of the peoples of Siberia in the context of mythological representations. *Siberian Collection 1: Funeral Rite of the Peoples of Siberia and Adjacent Territories*, ed. L. R. Pavlinskaya. St. Petersburg: MAE RAS, 2009, book 1, 33–38. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/scuvzd>
- Бородовский А. П. Археологические памятники Искитимского района Новосибирской области. Новосибирск: НПЦ по сохранению историко-культурного наследия, 2002. 208 с. [Borodovskiy A. P. *Archeological sites of the Iskitimsky District, Novosibirsk Region*. Novosibirsk: RPC for the Preservation of Historical and Cultural Heritage, 2002, 208. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/aauiln>
- Бородовский А. П. Погребальное пространство в контексте поликультурности (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа на Верхней Оби). *Археологические вестн.* 2017. № 23. С. 229–240. [Borodovskiy A. P. Funeral space in the polycultural context (materials from the Bystrovka necropolis of the Early Iron Age on the Upper Ob). *Arkheologicheskie vesti*, 2017, (23): 229–240. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yoiaand>
- Бородовский А. П. Поликультурность эпохи раннего железа в лесостепном Приобье по материал Быстровского некрополя. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2016. № 3. С. 94–102. [Borodovskiy A. P. Polyculturalism of the Early Iron Age in the forest steppe Ob region according to the Bystrovka necropolis materials. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*, 2016, (3): 94–102. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xaghwb>
- Бородовский А. П. Хронологические парадоксы вещевого комплекса Быстровского некрополя эпохи раннего железа. *Евразия: культурное наследие древних цивилизаций*, ред. и сост. О. А. Митько. Новосибирск: Сибирь-Наука: XXI век, 2004. Т. 3. С. 98–101. [Borodovskiy A. P. Chronological paradoxes of the clothing complex of the Bystrovsky necropolis of the Early Iron Age. *Eurasia: Cultural Heritage of Ancient Civilizations*, ed. and comp. Mitko O. A. Novosibirsk: Sibir-Nauka: XXI vek, 2004, vol. 3, 98–101. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vbdabd>
- Геродот. История в девяти книгах. Кн. IV. Мельпомена. Л.: Наука, 1972. 187 с. [Herodotus. *History in nine books*. Book IV. Melpomene. Leningrad: Nauka, 1972, 187. (In Russ.)]

- Головченко Н. Н. «No connection»: расстегнутый пояс в погребальной обрядности населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа. *Народы и религии Евразии*. 2021. Т. 26. № 3. С. 24–35. [Golovchenko N. N. "No connection": unbuttoned belt in the funeral rites of the population of the Upper Ob region of the Early Iron Age. *Nations and Religions of the Eurasia*, 2021, 26(3): 24–35. (In Russ.)] [https://doi.org/10.14258/nreur\(2021\)3-02](https://doi.org/10.14258/nreur(2021)3-02)
- Головченко Н. Н. Предметный комплекс одежды в погребальной обрядности населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа. *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2022. № 3. С. 337–358. [Golovchenko N. N. Clothing assemblage in the burial rituals of the Early Iron Age population of the Upper Ob River region. *Stratum plus. Archeology and Cultural Anthropology*, 2022, (3): 337–358. (In Russ.)] <https://doi.org/10.55086/sp223337358>
- Головченко Н. Н. Предметный комплекс одежды как маркер межкультурных коммуникаций на территории Верхнего Приобья в эпоху раннего железа. *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2020. № 3. С. 73–92. [Golovchenko N. N. Elements of clothing as a marker of intercultural communications on the territory of the Upper Ob River region in the Early Iron Age. *Stratum plus. Archeology and Cultural Anthropology*, 2020, (3): 73–92. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/suhsvv>
- Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка. М.-Л.: АН СССР, 1956. 163 с. [Gryaznov M. P. *The history of the ancient tribes of the Upper Ob based on the excavations at Bolshaya Rechka village*. Moscow-Leningrad: Nauka, 1956, 163. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ppopob>
- Иванов Г. Е. Вооружение племен лесостепного Алтая в раннем железном веке. Военное дело древнего населения Северной Азии, отв. ред. В. Е. Медведев, Ю. С. Худяков. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ие, 1987. С. 6–27. [Ivanov G. E. Armament of the population of the Forest-Steppe Altai in the early Iron Age. *Military affairs of the ancient population of North Asia*, eds. Medvedev V. E., Khudyakov Yu. S. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-ie, 1987, 6–27. (In Russ.)]
- Лихачева О. С. Вооружение и военное дело населения лесостепного Алтая в раннем железном веке (VIII–I вв. до н. э.). Барнаул: ИП Колмогоров И. А., 2020а. 304 с. [Likhacheva O. S. *Armament and military affairs of the population of the Forest-Steppe Altai in the early Iron Age (VIII–I centuries BC)*. Barnaul: IP Kolmogorov I. A., 2020a, 304. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/kjiqqw>
- Лихачева О. С. Использование предметов вооружения в погребальной практике у ранних кочевников Лесостепного Алтая. *Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре*. (Самара, 1–2 октября 2020 г.) Самара: СГСПУ, 2020b. Т. 2. С. 75–77. [Likhacheva O. S. Weapons in funeral practice among the early nomads of the Forest-Steppe Altai. *Works VI (XXII) All-Russian Archaeological Congress in Samara*, Samara, 1–2 Oct 2020. Samara: SSUSSE, 2020b, vol. 2, 75–77. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/gmrwii>
- Лихачева О. С. Комплекс вооружения большебереченской культуры по материалам экспозиции Бийского краеведческого музея. *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края*. 2021. № 27. С. 390–397. [Likhacheva O. S. The complex of weapons of the bolsherechenskaya culture based on the materials of the exposition of the Biysk Museum of local lore. *Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai*, 2021, (27): 390–397. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14258/2411-1503.2021.27.59>
- Лихачева О. С. Средняя конница каменной культуры и эволюция военного дела населения Лесостепного Алтая в VI–I вв. до н.э. *Народы и религии Евразии*. 2020с. № 2. С. 21–36. [Likhacheva O. S. Medium cavalry of the Kamenska culture and the evolution of military affairs of the population of the forest-steppe Altai in VI–I BC. *Nations and Religions of the Eurasia*, 2020с, (2): 21–36. (In Russ.)] [https://doi.org/10.14258/nreur\(2020\)2-02](https://doi.org/10.14258/nreur(2020)2-02)
- Лихачева О. С. Реконструкция вооружения и снаряжения воина каменной культуры II в. до н.э. (по материалам могильника Камень-II). *Stratum Plus. Археология и культурная антропология*. 2019. № 3. С. 89–96. [Likhacheva O. S. Reconstruction of weapons and equipment of the Kamen culture warrior, II century BC, Kamen II burial ground. *Stratum plus. Archeology and Cultural Anthropology*, 2019, (3): 86–96. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ofhirt>
- Могильников В. А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М.: Пушинский Научный центр РАН, 1997. 195 с. [Mogilnikov V. A. *Ppopulation of the Upper Ob region in the middle – second half of the 1st millennium BC*. Moscow: Pushchino Scientific Center RAS, 1997, 195. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sxnpocj>
- Могильников В. А., Уманский А. П. Курганы Масляха-I по раскопкам 1979 года. *Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла*, отв. ред. А. П. Уманский. Барнаул: БГПУ, 1992. С. 69–93; 198–208. [Mogilnikov V. A., Umansky A. P. The mounds of Maslyakha I in 1979. *Archeological Issues of Altai and Western Siberia of the Metal Age*, ed. Umansky A. P. Barnaul: BSPU, 1992, 69–93; 198–208. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zahevr>

- Молодин В. И. Культурно-историческая характеристика погребального комплекса кургана № 3 памятника Верх-Кальджин II. *Феномен алтайских мумий*, отв. ред. В. И. Молодин, А. П. Деревянко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. С. 86–119. [Molodin V. I. Cultural and historical characteristics of the burial complex of the burial mound No. 3, archeological site Verkh-Kaljin II. *Phenomenon of the Altai mummies*, eds. Molodin V. I., Derevyanko A. P. Novosibirsk: IAET SB RAS, 2000, 86–119. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/dsmamw>
- Рыкун М. П. Палеоантропология Верхнего Приобья эпохи раннего железа (по материалам каменной культуры). Барнаул: АлтГУ, 2013. 284 с. [Rykun M. P. *Paleoanthropology of the Upper Ob in the Early Iron Age: the Kamen culture*. Barnaul: AltSU, 2013, 284. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/trbgzv>
- Савинов Д. Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез. СПб.: СПбГУ, 2002. 202 с. [Savinov D. G. *Early nomads of the Upper Yenisei. Archaeological culture and cultural genesis*. St. Petersburg: SPbSU, 2002, 202. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sfvsex>
- Селин Д. В. Керамическое производство кулайской культуры в Новосибирском Приобье: по материалам могильника Каменный Мыс. *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2021. Т. 20. № 7. С. 86–96. [Selin D. V. Ceramic production of the Kulai Culture in the Novosibirsk Ob region: Based on materials from the Kamenny Mys burial ground. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Seriya: Istoriya, Filologiya*, 2021, 20(7): 86–96. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2021-20-7-86-96>
- Соловьев А. И., Бородовский А. П., Комиссаров С. А. К вопросу о защитном вооружении из дерева. *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. 2006. Т. 12. № 1. С. 468–472. [Solovyev A. I., Borodovskiy A. P., Komissarov S. A. Protective weapons made of wood. *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredelnykh territorii*, 2006, 12(1): 468–472. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/owdbfj>
- Телегин А. Н. Половая принадлежность погребений каменной культуры (опыт выделения археологических признаков). *Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий: Междунар. науч. конф.* (Барнаул, 24–27 марта 1999 г.) Барнаул: АлтГУ, 1999. С. 180–184. [Telegin A. N. Gender features of Kamensky culture burials (the experience of archeological features extraction). *Scythian epoch in Altai and adjacent territories: Intern. Sci. Conf.*, Barnaul, 24–27 Mar 1999. Barnaul: AltSU, 1999, 180–184. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/gkupab>
- Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 124 с. [Troitskaya T. N. *Kulai culture in the Novosibirsk Ob region*. Novosibirsk: Nauka, 1979, 124. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ynvdel>
- Труды Историко-краеведческого музея Алтайского государственного педагогического университета. Вып. 1: Археологические коллекции А. П. Уманского из собрания Историко-краеведческого музея АлтГПУ, сост. Н. С. Грибанова, Н. Н. Головченко, В. Б. Бородаев, автор вступ. ст. М. А. Демин. Барнаул: АлтГПУ, 2023. 72 с. [Proceedings of the Local History Museum of the Altai State Pedagogical University. Vol. 1: A. P. Umansky's Archaeological collections, Altai State Pedagogical Museum of Local Lore, comps. Griбанova N. S., Golovchenko N. N., Borodaev V. B., opening article by Demin M. A. Barnaul: AltSPU, 2023, 72. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37386/2949-3315-2023-1>
- Уманский А. П., Шамшин А. Б., Шульга П. И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул: АлтГУ, 2005. 204 с. [Umansky A. P., Shamshin A. B., Shulga P. I. *Scythian burial site Rogoziha-1 on the left bank of the Ob River*. Barnaul: AltSU, 2005, 204. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qpcdnp>
- Уманский А. П., Шульга П. И. Предварительные результаты исследования предметов вооружения из Новотроицкого некрополя. *Теория и практика археологических исследований*. 2005. № 1. С. 121–132. [Umansky A. P., Shulga P. I. Weaponry from the Novotroitsk necropolis: Preliminary results. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy*, 2005, (1): 121–132. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qixgvz>
- Фролов Я. В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул: Азбука, 2008. 479 с. [Frolov Ya.V. *Funeral rite in the Barnaul Ob region in the VI century BC – II century AD: burial grounds*. Barnaul: Azbuka, 2008, 479. (In Russ.)]
- Шульга П. И., Уманский А. П., Могильников В. А. Новотроицкий некрополь. Барнаул: АлтГУ, 2009. 329 с. [Shulga P. I., Umansky A. P., Mogilnikov V. A. *The necropolis of Novotroitsk*. Barnaul: AltSU, 2009, 329. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qmnfhv>
- Borodovskiy A. P. The Reconstruction of cultural processes in the forest-steppe Ob basin during the Early Iron Age, based on the chronology of the Bystrovka cemetery. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2015, 43(2): 87–96. <https://doi.org/10.1016/j.aear.2015.09.009>